

ГЛАВА 26. ЛИНЦЗЯНСЯНЬ

— И вовсе нет! Я тоже мужчина, но не скотина какая-нибудь. Запросов у меня мало: была бы жена, и ладно, — вставил свои пять копеек Юй Чуцю, не отрываясь от письма.

Ян Ихай иронично выгнул бровь:

— Чуцю, неужели одной достаточно? В жизни нужно иметь хоть какие-то амбиции.

— Они у меня есть. Мой базовый идеал: крестьянка, горный родник и клочок земли. А конечная цель — двадцать му пашни, корова и теплая лежанка с женой и детишками.

Ян Ихай лишь вздохнул — спорить было бесполезно. Обернувшись, он увидел Сяо Тяня, который только что проснулся и выходил из заднего двора.

Стоило Чуцю заметить ученика, как лицо его омрачилось. Он ушел в комнату и вернулся с внушительной стопкой книг. Для Су Цзытяня начались «курсы выживания».

Ян Ихай прислонился к дверному косяку и, лениво щелкая семечки, с плохо скрываемым удовольствием наблюдал за процессом. Юй Чуцю то и дело в гневе хватался за дисциплинарную линейку. Сначала он бил паренька по ладоням, но вскоре перешел к более радикальным мерам и принялся охаживать Сяо Тяня метлой по мягкому месту.

Су Цзычуань в это время мученически замерла в углу на одной ноге.

«Я буду императрицей... я буду императрицей... — занималась она самовнушением. — Раз, два, три, четыре... Ладно! Необязательно же императрице уметь садиться на шпагат. В конце концов, много ли владычиц в истории умели танцевать? Пф!»

Как только эта здравая мысль окончательно оформилась в её голове, она приоткрыла свои лисьи глазки. Убедившись, что Ян Ихай на неё не смотрит, она выхватила верхний кирпич из своей стопки и швырнула его под стену за порог.

— Давай, старайся! Будешь императрицей! О-о-о! — подбадривала она саму себя, сопровождая каждый выброшенный кирпич новой фразой.

Когда ноге наконец стало легче, она с облегчением выдохнула и, сложив руки на груди, принялась с любопытством наблюдать, как Юй Чуцю распекает её непутевого братца.

Су Цзыянь, одевавший на втором этаже малышей Сун, видел все художества сестры как на ладони. Он лишь покачал головой с понимающей улыбкой и, подхватив двух «карапузов», спустился вниз.

Внизу голос Юй Чуцю уже утратил былую невозмутимость:

— Я не ослышался?! Повтори еще раз! «Храбрый воин в преклонных летах...» Ну же!

Сяо Тянь, понутив голову, стоял перед круглым столом. Глаза его покраснели, он запинался на каждом слове:

— Храбрый воин в преклонных летах... э-э... на пути к Желтым источникам?

— Ха-ха-ха-ха! — Ян Ихай, подпиравший дверь, не выдержал и расхохотался во весь голос.

Юй Чуцю в ярости вытаращил глаза, а линейка в его руке мелко задрожала. Кое-как совладав с голосом, он выцедил:

— Ладно, даю тебе последний шанс. Если и сейчас не ответишь — не взыщи, пощады не будет!

— Ну...

— Дам тебе что-нибудь попроще: «В гареме три тысячи юных красавиц...»

— Стачивают пестик в иголку!

Линейка со звоном выпала из рук учителя.

Ян Ихай как раз зашелся в очередном приступе смеха, но, услышав стук, поднял голову:

— Чуцю, что с тобой?! Сяо Тянь, быстрее, поддержи господина Юя!

— Учитель, не падай в обморок! Не пугай меня так!

Юй Чуцю медленно открыл глаза. Увидев перед собой расплывчатое лицо Су Цзытяня, он прошептал едва слышно:

— Я задам тебе последний вопрос... «Горькое средство целит недуг»... Эту-то фразу ты точно должен знать?

Сяо Тянь, искренне страдая, задумался на необычайно долгое время:

— Горькое средство целит недуг... а походы к девкам губят здоровье.

— Пха-ха!

— А-а-а-а!!! Брат Ян, скорее сюда! Учитель кровью харкает!!!

— Я не верю... — Чуцю мертвой хваткой вцепился в рукав ученика. — Ты должен... сегодня ты обязан ответить хоть что-то правильно... иначе я не смогу спокойно отойти в мир иной!

— У-у-у... Учитель... Вы мне очень нравитесь, но я не хочу крутить роман с призраком, это слишком запретно... Умирайте уже спокойно и перерождайтесь скорее...

— В гробу я видал такие перерождения! — Ян Ихай отшвырнул семечки, подскочил к ним и, отвесив Сяо Тяню подзатыльник, подхватил Юй Чуцю на руки.

Руки Чуцю мелко дрожали. Лежа в объятиях Ихая, он ухватился за золотой замок на шее Сяо Тяня и, собрав последние силы, прохрипел:

— Хорошо. Больше никаких стихов. Видимо, это не твое. История! Историю-то ты знаешь? Скажи мне, в чем заключалась политика Лю Бана по восстановлению сил народа?

— М-м... — Сяо Тянь напряженно думал. — «Кто много смеется, тот долго живет: поменьше наложниц — побольше поспать».

—...

— А-а-а-а!!! Су Цзытянь! Ты вообще хоть что-то соображаешь?! Если не знаешь — не носи чепуху! Чуцю уже глаза закатил!!!

На самом деле Сяо Тянь был тем еще хитрым малым. Его погубил излишний ум: он читал запоем, обладал глубоким характером, но на дух не переносил занудное «Четверокнижие» и «Пятиканоние». Система экзаменов династии Мин требовала строгого следования канонам восьмичленных сочинений. Сяо Тянь же, увлеченный вольными книгами, в официальной учебе плелся в хвосте, стабильно занимая последние места. Теперь же, когда всё тайное стало явным, его ждали тяжелые времена.

Что до Юй Чуцю, то эта сцена сократила его жизнь как минимум на десять лет.

После обеда Ян Ихай, желая развеселить друга, предложил взять его и Су Цзычуань на прогулку за город. А заодно — пообещал научить их искусству обольщения.

Секунду назад Чуцю еще лежал на кровати, убиваясь по поводу зря потраченного жалования, но, услышав о возможности «подцепить девчонку», тут же вскочил. С покрасневшим лицом он подхватил свой верный блокнот и с энтузиазмом выбежал за дверь.

Впятером, прихватив детей, они дошли до горного ручья. Вдали, на склоне, виднелась группа юных девушек с бамбуковыми корзинами за плечами — они собирали чай. Горная песня, нежная и звонкая, разносилась над склонами. Неподалеку располагалась ферма. В загоне для овец десяток парней в самом расцвете сил ворошили сено вилами, переключаясь с девушками куплетами песен.

Картина была на редкость мирной и гармоничной.

— Ух ты... — Су Цзычуань заворуженно смотрела на эту идиллию, полную простоты и покоя.

Ян Ихай незаметно коснулся прохладных пальцев Чуцю и обернулся с улыбкой. Юй Чуцю поймал его взгляд и нежно улыбнулся в ответ, явив миру очаровательные ямочки на щеках.

Дети, никогда прежде так не резвившиеся, были на седьмом небе от счастья. Они то ловили стрекоз, то собирали полевые цветы, бегая до седьмого пота. Золотые и нефритовые цилиндры на их груди весело позвякивали при каждом движении.

После небольшого отдыха настало время «открытого урока уличного обольщения от мастера Яна». Сначала Ихай взял Чуцю за руку и наставительно произнес:

— Любовь — это безумство. Повторяющееся снова и снова. Как только ты перестанешь лезть из кожи вон, женщины сами потянутся! Не бойся, действуй смело: подойди, молчи и соблазниай взглядом. Плохих парней девушки любят больше. Понимаешь?

— М-м... Понял! — Чуцю набрался храбрости, сделал пометку в блокноте и, спрятав кисть, потер ладони. Улыбка его при этом была... крайне застенчивой.

Ян Ихай хитро усмехнулся и обернулся к Цзычуань:

— Ты пока подожди здесь, я обучу тебя позже. Приглядывай за детьми, чтобы не потерялись.

— Есть, босс! Не волнуйтесь, я за вами присмотрю. Поддерживаю морально! — Су Цзычуань, окончательно переметнувшись в стан «врага», подбодрила его сжатым кулаком.

— Хорошо. Чуцю, идем, я составлю тебе компанию.

— Ой, правда? Как хорошо! Я ведь немного волновался, а с тобой будет куда спокойнее, — ответил Чуцю из тех людей, которых продают в рабство, а они еще и деньги помогают считать.

Довольный Ян Ихай подвел Чуцю поближе к дереву и шепнул:

— Слушай внимательно. У местных девушек есть обычай: незамужние дарят вышитые кошельки тем, кто им мил. Сейчас встань под той раскидистой ивой, молчи и жди, пока тебе поднесут подарок.

Глаза Чуцю радостно заблестели, он был возбужден и напряжен одновременно:

— Понял! Как ты и учил утром — недеяние. Не проявлять инициативу.

— Умница! Наш Чуцю схватывает на лету.

И вот, Юй Чуцю, словно лисица, идущая перед тигром, с гордым видом зашагал к дереву. Он замер под ветвями, глупо улыбаясь и украдкой поглядывая на красавиц. Стоило одной из девушек заметить его и кокетливо улыбнуться, как бедный ученый тут же уткнулся взглядом в носки своих сапог. Его лицо вспыхнуло так ярко, что могло бы соперничать с самым спелым томатом.

Девушки на склоне, видя его пунцовые уши, принялись перешептываться и весело смеяться.

Но на этом конфуз Чуцю только начинался. Пока простодушный ученый сосредоточенно пересчитывал муравьев у своих ног, прямо за его спиной Ян Ихай принял позу «истинного сердцеда»: слегка прислонился спиной к стволу, одну ногу небрежно согнул в колене. Одну руку он завел за спину, позволяя широкому рукаву живописно развеяться на ветру, а в другой держал цветок, едва касаясь им губ. Взгляд его был глубоким, полным печали и томления. Он чуть склонил голову, а на губах застыла легкая улыбка, будто он погрузился в прекрасные воспоминания о былом.

Легкий ветерок шевелил пряди его волос, смешивая их с падающими листьями.

— Ой... Смотрите, кто это? Какой красавец... — ахнула одна из девушек.

— Не просто красавец! Посмотрите, какая от него веет меланхолия... Мужчины с прошлым — самые притягательные... — прошептала другая, подперев щеку рукой и во все глаза глядя на Ихая.

Девушки заспорили, наперебой обсуждая незнакомца, их лица покраснелись от девичьего восторга. А главный герой этой сцены — Юй Чуцю, который боялся даже голову поднять, — был ими попросту стерт из реальности. Он стал для них чем-то вроде садового украшения или случайного прохожего.

Ян Ихай краем глаза заметил, что публика «созрела». Тогда он коварно приобнял Чуцю за плечо и, когда тот удивленно обернулся, склонился к его уху. Почти касаясь губами пунцовой

кожи, он самым бархатным голосом, на который был способен, прошептал:

— Пстой еще немного. А я пойду проверю, как там Цзычуань.

Сказав это, он — пока Чуцю не видел — отвесил девушкам на склоне многозначительный и эффектный «коронный» взгляд. Эффект не заставил себя ждать: несколько девчонок тут же запрыгали и защебетали, как испуганные птицы.

Хитро ухмыляясь, Ян Ихай ушел, не оборачиваясь.

Оставшийся в полном одиночестве Юй Чуцю окончательно растерялся. Он застыл на месте, едва слышно бормоча под нос цитаты из изречений мудрецов, чтобы хоть как-то унять дрожь.

Вскоре несколько самых смелых девушек, смущенно переглядываясь, направились к нему. В руках они сжимали искусно расшитые кошельки.

— Позвольте узнать... — робко начала та, что шла впереди.

Чуцю вздрогнул. Впервые в жизни он оказался в окружении стольких красавиц. Он вытянулся в струнку, покраснев от корней волос до самой шеи. Услышав мелодичный девичий голос, он почувствовал, как сердце затрепетало. Не зная, куда деться от смущения, он отстранился и уставился на кору ивы.

Видя его неловкость, девушки прикрыли рты ладошками и весело заискрились смехом.

— Какой смешной! Даже поздороваться не умеет, — поддразнила его одна.

— Ох... Мое имя — Юй Чуцю... Простите мою грубость... Могу ли я узнать, как зовут почтенных дев? — он отвесил глубокий поклон.

— Хи-хи... Кто же так спрашивает? Не скажу.

— Но как же так... — Чуцю замялся, чувствуя себя крайне неудобно.

Другая девушка оказалась еще бойчее:

— Эй, книжный червь, а почему ты спрашиваешь её, а не меня? Неужели она тебе приглянулась?

— Нет-нет-нет... — Чуцю замахал руками в полном смятении. — У меня и в мыслях не было обидеть кого-то из вас.

— Лжешь! — воскликнула третья, шаг за шагом приближаясь к нему. — Ты тут с самого начала стоишь, я видела! Ты на нас несколько раз украдкой смотрел.

Бедный Чудю пятился, пока не уперся спиной в старую иву. Лицо его пылало так, что на нем можно было жарить яичницу. Он судорожно тербил рукава своего халата, не смея поднять глаз на девушек.

— Ну... — пролепетал он едва слышно. — Что же мне сделать... чтобы вы позволили мне уйти?

Девушки переглянулись и заговорщицки улыбнулись.

<http://bllate.org/book/17540/1706457>